

Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 6 (105). С. 7–14.
Cherepovets State University Bulletin, 2021, no. 6 (105), pp. 7–14.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-6-105-1>

Мультимодальные средства изображения нечистой силы в коммуникативном жанре былички

Екатерина Алексеевна Военушкина

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия,
voenushkina.kat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7612-0250>

Аннотация. В статье рассматриваются коммуникативные свойства былички с точки зрения теории мультимодальности. Целью работы является описание вербальных, просодических и визуальных маркеров, которые использует адресант как участник коммуникации во время рассказа о встрече с нечистой силой. Определяется роль каждого из информационных каналов (вербального, просодического и визуального) для создания образа объекта речи (мифологического персонажа) в ходе коммуникативного процесса.

Ключевые слова: мультимодальность, теория коммуникации, фольклористика

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Е. Н. Ильиной.

Для цитирования: Военушкина Е. А. Мультимодальные средства изображения нечистой силы в коммуникативном жанре былички // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 6 (105). С. 7–14. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-6-105-1>.

Multimodal means to portray evil spirits in the communicative genre of bylichka

Ekaterina A. Voenushkina

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Russia,
voenushkina.kat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7612-0250>

Abstract. The article examines communicative characteristics of bylichka in terms of multimodality. The purpose of the article is to highlight verbal, prosodic and visual markers that are used by the speaker, as a participant of communication, when describing a meeting with evil spirits. The role of the information channels (verbal, prosodic and visual) is determined to create an image of the speech object (mythological character) during the communicative process.

Keywords: multimodality, communication theory, folklore studies

Acknowledgments. The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor E. N. Ilyina.

For citation: Voenushkina E. A. Multimodal means to portray evil spirits in the communicative genre of bylichka. *Cherepovets State University Bulletin*, 2021, no. 6 (105), pp. 7–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-6-105-1>.

Введение

Изучение русского устного народного творчества всегда позволяло совершать открытия об особенностях национального характера, ментальности и традиционном способе мышления носителей народной культуры. С момента появления фольклористики как отдельной научной области филологии появилось множество исследований, затрагивающих различные аспекты устного народного творчества: это и собирание, и публикация, и анализ фольклорных произведений с разных точек зрения (жанровая и обрядовая приуроченность, бытование тех или иных сюжетов в многообразных локальных культурах, поэтика текстов и т. д.). Один из самых малоизученных аспектов фольклора, на наш взгляд, – коммуникативная организация устной фольклорной речи. Разумеется, достаточно хорошо исследованы те ее особенности, которые зависят от жанра произведения. Однако речь носителей традиционного типа мышления коммуникативно синкретична по своей природе, по этой причине исследование фольклорной речи должно опираться на принципы мультимодального подхода к описанию текстов устного народного творчества. Для передачи содержания авторы фольклорных произведений в равной степени используют три информационных канала (вербальный, просодический и визуальный), что обуславливает восприятие адресатом фольклорной речи как единства слова, жеста, интонации.

Основная часть

Центром данного исследования является устная проза (точнее – определенные жанры сказочной прозы – былички и бывальщины), поскольку именно эти фольклорные произведения наиболее спонтанны в сравнении с обрядовым и лиро-эпическим фольклором. Свойствами жанров сказочной прозы являются «повторяемость приемов рассказа, бытовые понятия и представления»¹. Они причисляются к фольклорным лишь потому, что их автор – народ, однако данные жанры воспроизводят не структуру и формулы текстов, а мотив, сюжет, воплощаемый в относительно свободной языковой форме.

Существует мнение, что произведения фольклора нельзя относить к спонтанной устной форме речи, поскольку именно воспроизводимость служит основным законом любого фольклорного текста, который в идеале должен передаваться из уст прошлого поколения в уста следующего. Тексты жанров сказочной прозы обладают своеобразной воспроизводимостью: воссоздается модель, сюжет или мотив, но не специальные языковые и поэтические формулы. К собственно фольклорным текстам относятся такие жанры, как сказки, былины, заговоры, лирические песни, баллады, романсы и т. д., поскольку они бытуют исключительно в устной форме и при исполнении того или иного текста каждый раз воспроизводятся. Именно категория воспроизводимости – повторение одних и тех же устойчивых словесных формул,

¹ Аникин В. П. Устная проза // Русское устное народное творчество: Хрестоматия / составитель В. П. Аникин. Москва: Высшая школа, 2006. С. 358.

интонаций и даже жестикологии – позволяет тексту существовать на протяжении долгого времени.

Для установления объекта исследования важно определить свойства двух близких по коммуникативным свойствам текстов – былички и бывальщины. Кроме основной (история о встрече с нечистой силой), существует несколько трактовок этих терминов. Однако не все исследователи сходятся во мнении по поводу их содержания. В. П. Аникин считает, что *бывальщина* схожа с преданием: «Это живая молва о недавнем прошлом, о событиях, случившихся во времена, не столь далекие сравнительно с теми, о каких говорят предания»¹. *Быличка* же, в свою очередь, несколько отличается от *бывальщины* по содержанию: она воспроизводит бытовые понятия и представления. В. П. Аникин определяет форму бытования быличек и разделяет их на *мемораты* (повествование от 1 л.) и *фабулаты* (повествование от 3 л.)². И. С. Веселова считает, что единственное различие *былички* и *бывальщины* заключается только в перспективе изложения. Если *быличка* воссоздается от 1 л., то *бывальщина* – от 3 л.³

Мы же будем придерживаться мнения В. П. Аникина, поскольку считаем, что в коммуникативном процессе для восприятия адресантом самой ситуации встречи с нечистой силой не столь важно, с кем она произошла – с ним самим или с его близким / знакомым. Именно по этой причине нам представляется, что перспектива изложения – форма лица – не играет в коммуникации значительной роли.

Исследователи фольклора, на наш взгляд, практически не обращают внимания на сложность взаимодействия адресанта и адресата в устном народном творчестве. Это вполне объяснимо, поскольку объектом изучения фольклористов долгое время служили лишь письменные записи или расшифровки фольклорных произведений исключительно в вербальной форме. Однако на сегодняшний день более актуальным и логичным, по нашему мнению, может стать исследование фольклорной речи именно в ее естественной форме, поскольку для этого появилась возможность – активное развитие и применение к текстам фольклора методов мультимодальной лингвистики, а также создание объемных архивов с видеозаписями фольклорной устной речи.

Фокус внимания лингвистов сосредоточивается сразу на трех модусах: не только традиционном вербальном аспекте произведения устного народного творчества, но и на просодическом (паузы, интонация, тон, темп речи) и визуальном (жесты, позы, мимика). Метод мультимодальной транскрипции устной речи помогает взглянуть на фольклорную коммуникацию в ее естественном облике, поскольку учитывает все каналы информации.

Материалом нашего исследования является мультимодальная транскрипция такого жанра несказочной прозы, как быличка (в связи с неясными коммуникативными различиями былички и бывальщины будем пользоваться единым термином –

¹ Аникин В. П. Устная проза // Русское устное народное творчество: Хрестоматия / составитель В. П. Аникин. Москва: Высшая школа, 2006. С. 357.

² Там же. С. 358.

³ Веселова И. С. О степенях достоверности фольклорного рассказа // Фольклор, постфольклор, быт, литература: сборник статей к 60-летию А. Ф. Белоусова / под редакцией А. К. Байбурина и др. Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2006. С. 56.

«быличка»). Транскрипция сделана на основе аналоговых видеозаписей Фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина: материалах Подосиновского собрания (ВФ 2301 и 2302, записи 1994 г., собиратели – Г. С. Савельева, А. В. Панюков). Были затранскрибированы 22 устных текста несказочной прозы.

Основной сюжет проанализированных быличек составляет встреча говорящего или его знакомого с нечистой силой. Очевидно, что такие события в жизни рассказчиков не ежедневны, хоть и гармонично вписываются в их картину мира. Подобные эпизоды включаются в ряд особенных и необычных и, соответственно, маркируются определенными вербальными и невербальными знаками.

В анализируемых рассказах персонажами, представляющими нечистую силу, являются **леший** (лешак), **черт**, **покойник** и даже **богушко** в значении ‘ласк. бог’¹. Прежде чем назвать их особенности, обнаруженные в речи информантов, отметим характерные признаки нечистой силы, уже указанные в научной литературе. Так, например, Э. В. Померанцева в своей монографии «Мифологические персонажи в русском фольклоре» указывает: «Образ черта в народных представлениях и связанных с ними фольклорных рассказах нередко соединяется с образом водяного, лешего, даже домового»². Соответственно, можно говорить о том, что бытовое представление о черте никак не связано с его каноническим образом, заданным христианской традицией, а сам рассказчик не всегда проводит четкую границу между, например, лешим и чертом. Более того, черт чаще всего обладает антропоморфными чертами. В этом случае лишь маленькая деталь во внешности помогает определить в нем фигуру, пришедшую из потустороннего мира.

Такое восприятие черта (нечистой силы) подтверждается нашими наблюдениями над речью адресантов. Например, вышеупомянутое неразличение черта и лешего отмечается в сюжете былички о том, как одна женщина изругала, *излешакала* мальчика. После этого его не могли найти пять дней, а нашли спрятанным за шкаф. Когда мальчика обнаружили, он не мог успокоиться и все хотел убежать. Рассказчик объяснил это тем, что на нем «лешак повис» (ВФ 2302: 00:54). Очевидно, что в данном случае слово *лешак* используется в значении ‘нечистая сила, черт’, так как в истории нет уточнения основного локуса обитания лешего – лесного пространства.

Рассказывая быличку о том, как девушки из-за неумения правильно завершить гадание оказались застигнутыми нечистой силой, которая обозначается конкретным словом *черт*, четких признаков этой силы говорящий в своей речи не называет (ВФ 2301: 00:46). В быличке про то, как одного мужчину что-то поманило и ему встретились черти в длинных сарафанах, указывается определенный антропоморфный признак, способствующий созданию модуса достоверности повествуемого.

Одна рассказчица в качестве персонажа нечистой силы называет покойника – недавно умершего мужа, навесившего свою жену в полдень, стучавшего в окно и по

¹ Словарь русских народных говоров / под редакцией Ф. П. Филина. Ленинград: Наука, 1968. Вып. 3: Блазнишка–Бяшутка. С. 54.

² Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. Москва: Наука, 1975. С. 118.

крыльцу. Женщина услышала знакомый голос, а когда открыла дверь, там никого не оказалось (ВФ 2302: 00:42).

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает рассказ с упоминанием такой нечистой силы, как *богушко*. Сюжет былички заключается в том, что две девушки пошли в клуб на Пасху, по дороге им встретился какой-то старичок (*богушко*), который рекомендовал им развернуться и идти домой. Одна девушка послушалась и отправилась назад, другая же пошла на танцы, а обратно ее уже принесли. В качестве поучительного «жеста» она осталась обездвиженной «на всю оставшуюся жизнь», после чего умерла (ВФ 2301: 00:41). В данном случае мифологический персонаж – фигура из потустороннего мира (не столь важно, из верхнего или из нижнего) – наказывает человека за нарушение жизненного порядка. По этой причине *богушко* выступает как представитель иного мира, в народном дохристианском восприятии понимаемого как место обитания и бога, и черта.

Всех мифологических персонажей из анализируемых рассказов объединяет то, что вне зависимости от своих характерных особенностей они появляются в жизни адресанта или его близких в момент нарушения правильного порядка мироустройства. В связи с этим данных героев можно назвать представителями нечистой силы.

Анализ коммуникативных мультимодальных свойств текстов позволил выявить типичные средства создания образа нечистой силы в рассказах адресантов. Эти особенности выделены в соответствии с тремя основными информационными каналами, взаимодействие которых обеспечивает успешность коммуникации. Были отмечены вербальный, просодический и визуальный модусы.

С точки зрения единиц **вербального модуса** нами выделены две тематические группы, связанные с представлением образа нечистой силы: их составляют лексемы, обозначающие внешние проявления персонажа из потустороннего мира. Во-первых, это *маркеры интерьера* – говорящий в связи со встречей с нечистой силой увидел что-то необычное: *ко столу прихожу, стол на боку* (ВФ 2302: 01:09:59); *я пошла, за трубы загнулася, это что такое, почто трубы тут лежат?* (ВФ 2302: 01:09:47–01:09:51); *икона неровно стоит* (ВФ 2302: 01:10:20); *трубы уронены и стол уронен* (ВФ 2302: 01:10:58); *положил на палицы та лапти эти, а эти на полу все упали* (ВФ 2302: 01:11:11–01:11:13); *да посмотришь, говорит, в зеркало, она принесла зеркало* (ВФ 2302: 01:13:37–01:13:48); *покойник придет и стучается в окошечко или крылечко* (ВФ 2302: 01:20:35) и т. д.

Во-вторых, имеют место *маркеры внешности*: *вот они тоже передо мной, говорит, прыгают, прыгают, прыгают, они, говорит, в сарафанах, сарафаны, получается, до-олгие, говорит, долгие* (ВФ 2302: 02:11:11–02:11:25); *смотри, говорит, на дороге-то и стоит, говорит, выше лесу, а у его, говорит, не ноги, а как у елки здоровы корни закрутились* (ВФ 2302: 01:16:30–01:16:34); *попадает им старичок, встретил, маленькой, седенький* (ВФ 2302: 01:17:33–01:17:35); *косточки-те, говорят, как ниточки стали* (ВФ 2302: 01:18:24); *вдруг, говорит, заходят ко мне три мужчины, и все, говорит, в кожаных тужурках, ну, говорит, один большой, другой поменьше, третий еще, говорит, поменьше* (ВФ 2301: 21:58–22:09); *думает, как он меня, говорит, отпустит, так тут на руки, а такой здоровуш-шой мужик был-то* (ВФ 2301: 23:15–23:20); *у него, говорит, глаза как у петуха* (ВФ 2301: 47:16).

Во всех приведенных примерах мы видим, что атрибуты нечистой силы в какой-то степени амбивалентны. Например, предметы окружающего пространства указывают на появление представителей потустороннего мира только тем, что находятся не на своих привычных местах, т. е. нарушается обыденный режим жизненного уклада, его упорядоченность и постоянство. Атрибуты внешности нечистой силы смешиваются с совершенно обычными признаками человека. Имеется в виду, что свойства потустороннего мира (где-то даже фантастические: *глаза как у петуха, ноги как корни деревьев*) существуют наравне с обыденными, человеческими (*в сарафанах, в кожаных тулупках*). Соответственно, появление нечистой силы маркируется изменениями в пространстве, однако сам персонаж необязательно обладает какими-либо сверхъестественными особенностями. Это, по-видимому, говорит о том, что потусторонний герой находится как бы на границе чужого и своего миров.

С точки зрения **просодических особенностей** нами выделены интонационные маркеры: к ним в первую очередь относится замедление темпа речи в ходе рассказа об основных событиях. Когда говорящий переходит к главной части повествования после того, как уже вспомнил историю о встрече с нечистой силой, темп изложения немного замедляется. При характеристике нечистой силы или окружающего пространства заметно повышается громкость речи, это характерно для всех 22 рассказов.

Можно говорить о том, что каждый информант в рамках своего рассказа выстраивает определенную интонационно-эмоциональную композицию. Сначала говорящий вспоминает основной сюжет и мотив былички, нередко сбиваясь в ходе повествования, интонация бывает скачущей в связи с большим количеством вводных конструкций: *одна женщина с Демьянова приехала, ну вот... парнишка пять дней дома не ночевал. Пять ночей, в общем, дома не ночевал. Нигде найти не могу, одна бабушка только его изругала. Я, говорит, не ругала... ну вот...* (ВФ 2302: 02:07:14–02:07:21). Затем в основной части истории темп повествования замедляется, а при характеристике времени или черт нечистой силы громкость и скорость речи могут увеличиваться. В финале былички (в назидательной части фольклорного произведения) происходит ускорение темпа изложения событий. Это объясняет частое использование следующих типов интонационных конструкций: ИК-5 – сочетание восходящего, ровного и нисходящего тонов; ИК-6 – сочетание восходящего и ровного тонов. Данные типы характерны для всех 22 рассказов.

В **визуальном модуле** отмечается весьма частотное использование адресантом указательных жестов (при описании места действия), а также эмблематических жестов со значением убеждения и достоверности (например, *приложить ладонь к груди*). Они активно применяются рассказчиком, в частности, при указании на трубы, на положение стола, на место, где лежала мать, на расположение печи и т. д. Скорее всего, это связано с желанием говорящего включить слушающего в ситуацию, описываемую в рассказе, адресант словно присутствует при этом в очередной раз, он буквально живет в моменте повествования и пытается воссоздать картину не только для себя, но и для адресата речи. Очевидно, что это придает повествованию достоверность.

В визуальном модуле, по нашему мнению, также можно условно выделить ком-

позицию. Если в начале повествования говорящий наклоняется в сторону адресата и разворачивает корпус в его сторону, то в ходе изложения основных событий рассказчик как бы раскачивает корпус вперед-назад, в особо напряженные моменты (при встрече с нечистой силой) адресант максимально приближается к собеседнику, а в конце (в назидательном моменте) отклоняется назад, расслабляя корпус; это характерно для всех проанализированных рассказов.

Иногда единицы визуального модуса (в ситуации, когда речь адресанта «не успевает» за его памятью и воображением) опережают единицы вербального модуса. Например, при описании жилища-пространства рассказчик указывает на красный угол и говорит, что *она неровно стояла*. В этом случае мы понимаем, что речь идет об иконе (ВФ 2302: 00:38). В быличке про встречу девушек с нечистой силой после гаданий говорящий (ВФ 2301: 00:46) настолько психологически погрузился в данную ситуацию, что указательный жест (*показывает на голову*) предваряет вербальное сообщение (*черти накиннули им горшки на голову*). Вообще в большинстве проанализированных быличек использование жестов опережает проговаривание описываемых событий. Это, на наш взгляд, характеризует определенную «психологическую модель рассказывания» жанров сказочной прозы. Адресант настолько глубоко погружается в состояние той встречи с нечистой силой, о которой он сообщает, что вербальный модус несколько «запаздывает» в сравнении с картинкой, возникающей перед глазами рассказчика, поэтому говорящий с помощью жестов обозначает расположение, внешний вид и характер описываемых персонажей и предметов повествования.

Особый интерес в плане выявления мультимодальных коммуникативных особенностей быличек представляет рассказ слепой женщины-адресанта. В процессе повествования она также использует комбинацию указательных жестов и маркеров интерьера, однако выражает свою неуверенность (теревит платок, говорит: *я не знаю; не знаю, какой-то человек, во сне видела; да не знаю я ниче; не знаю, какой человек, да никого нет, не знаю, вот и поманило*). Рассказчица не считает себя знающей, поскольку соотносит три пропозиции: я не вижу, соответственно, я не знаю, не могу быть достоверной. На основании этого можно предварительно предположить, что визуальный модус в фольклорной коммуникации жанра былички представляется коммуникантам основополагающим.

Выводы

Таким образом, выявленные маркеры разных модусов фольклорной речи сосуществуют и создают «ткань» коммуникации, в которой визуальные компоненты (жесты) дополняют вербальные, а вербально-просодические обеспечивают воспроизводимую композицию речевого жанра былички. Обнаруженные маркеры используются в речи говорящих при упоминании нечистой силы, что свидетельствует о следующем факте: адресант воспринимает данную встречу как что-то необычное, но тем не менее закономерное и логично включенное в народную мифологическую картину мира. Самым важным с точки зрения выражения достоверности является визуальный модус, поскольку адресант, лишенный возможности видеть, сомневается в степени правдивости передачи содержания, хотя и применяет иллюстративные (указательные) и эмблематические жесты.

Список источников

Аникин В. П. Устная проза // Русское устное народное творчество: Хрестоматия / составитель В. П. Аникин. Москва: Высшая школа, 2006. С. 357–423.

Веселова И. С. О степенях достоверности фольклорного рассказа // Фольклор, постфольклор, быт, литература: сборник статей к 60-летию А. Ф. Белоусова / под редакцией А. К. Байбурина и др. Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2006. С. 50–58.

Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. Москва: Наука, 1975. 191 с.

Словарь русских народных говоров / под редакцией Ф. П. Филина. Ленинград: Наука, 1968. Вып. 3: Блазнышка–Бяшутка. 360 с. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/srng/03.pdf> (дата обращения: 25.05.2021).

References

Anikin V. P. Ustnaia proza [Oral prose]. *Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo: Khrestomatiia* [Russian oral folk art: Reading book; compiled by V. P. Anikin]. Moscow: Vysshiaia shkola, 2006, pp. 357–423.

Veselova I. S. O stepeniakh dostovernosti fol'klornogo rasskaza [On the credibility degrees of a folklore story]. *Fol'klor, postfol'klor, byt, literatura: sbornik statei k 60-letiiu A. F. Belousova* [Folklore, postfolklore, everyday life, literature: Proceedings for the 60th anniversary of A. F. Belousov; ed. by A. K. Bayburin et al.]. St Petersburg: SPbGUKI, 2006, pp. 50–58.

Pomerantseva E. V. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре* [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow: Nauka, 1975. 191 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects; ed. by F. P. Filin]. Leningrad: Nauka, 1968. Iss. 3: Blaznisha–Biashutka. 360 p. Available at: <https://iling.spb.ru/dictionaries/srng/03.pdf> (accessed: 25.05.2021).

Сведения об авторах

Екатерина Алексеевна Военушкина – аспирант; <https://orcid.org/0000-0001-7612-0250>, voenushkina.kat@yandex.ru, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Со-рокина (д. 55, Октябрьский пр-т, 167001 г. Сыктывкар, Россия); **Ekaterina A. Voenushkina** – Postgraduate student; <https://orcid.org/0000-0001-7612-0250>, voenushkina.kat@yandex.ru, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky pr., 167001 Syktyvkar, Russia).

Статья поступила в редакцию 28.07.2021; одобрена после рецензирования 19.08.2021; принята к публикации 30.08.2021.

The article was submitted 28.07.2021; Approved after reviewing 19.08.2021; Accepted for publication 30.08.2021.